

Вышел папа из тумана, вынул тайну из кармана.
Выпей мертвой ты воды, мост предсмертный перейди.
Там за призрачной горою тайна встретится с тобою.

Считалка

Папа. Я тебя таким не помню, я родилась намного позже. Но мне кажется, что именно таким я всегда тебя знала. Говорят, у души нет возраста. Но почему-то мне хочется верить в то, что некий облик у нее все-таки есть. Когда я так думаю, то всегда смотрю на эту фотографию.

Я появилась в 1979 году, когда ему было двадцать девять лет – меньше, чем мне сейчас.

Он начал вести дневник, делая записи обо мне. Так мы дошли до 1995 года.

Надежда Антонова

«4 сентября 1995 года.

Вдруг почувствовал невозможность расстаться с дневником, вроде как осиротеешь. Пусть останется у меня еще некоторое время, а отдать его дочери всегда успею.

Решил – и полегчало. Вот мы и опять вместе, Надежда Владимировна».

ФОТОГРАФИЯ ПЕРВАЯ

«30 августа 1979 года.

Теплая безлунная ночь. Машина мчится по улице Молодежная напрямик в больницу. Затем приемный покой, равнодушные девицы, не ускорившие ленивые движения телес даже тогда, когда я рявкнул с угрозой на одну из них. Наш разговор закончился равнодушной репликой старшей: «Ты свое дело сделал, теперь шагай отседава...» И я вышел. Встал у большого окна, открывающего длинный коридор с тусклым светом от далекой двери в другое помещение. И пошла Люда между двумя рослыми санитарками, переваливаясь уточкой. С чувством щемящей жалости отошел от окна и пошел по ночному теплому городу. И вот в эту ночь, возможно, начнется новая жизнь. Кем-то оно будет? Так и заснул с несколько философскими мыслями. Разбудила с синим рассветом теща: «Вставай, отец, у тебя дочь...» Да извинит нас дите, а думали-то с Леонидом Ивановичем о парне... Спасибо, Люда,

Надежда Антонова

за дочь, это здорово, когда есть дочь. Значит, у меня Надя, Надежда».

А ведь была, папа, у тебя еще одна Надя. Я так много о ней знаю и не знаю ничего. Кто может сейчас сказать, какой она была, когда не только меня, но и тебя еще не существовало? Но я попробую, вдруг у нее все было именно так, как у моей самой обычной и необычной героини с самой обычной и необычной судьбой.

Маша устало покрутила в руках сновку. Интересно думать, что у валенка есть душа. Новенькие просушенные и отшлифованные валенки не были приспособлены для правой или левой ноги, первый раз их можно было надеть на любую, но вот после подстройки надеть не на ту ногу уже трудно, как будто была у них память, как у ее Толика, который каждый день запоминал и смешно коверкал новые слова. Мужчин на заводе почти не осталось, все ушли воевать, и Маша перешла на «мужскую» работу. Традиционно женщин задействовали только для сортировки, рыхления, чесания, взвешивания и пеленания шерсти. Как только появлялась укатанная сновка, ее передавали в мужской цех. В валяльной части Маша сначала не справлялась, силы в руках было мало, договаривалась с теми, кто посильней, чтобы помогали, по-

От отца

том благодарила, приносила продукты. Еды у них со Степаном хватало, на фронт он не пошел по состоянию здоровья, работал на продуктовом складе, домой приносил много, так что не бедствовали, как другие, но природная слабость брала свое. Когда немного нарастила мышцы и руки стали жилистыми и цепкими, смогла работать с колотушками и скалками без посторонней помощи, но все равно первую постиранную в горячей воде пару так и не смогла насадить на колодку нужного размера. Только со временем поняла, как и с какой стороны надо бить и нажимать, чтобы мокрый, усаженный в два раза чулок зашел на твердое дерево. Все никак не заходило у нее и с гражданским мужем.

В усадочном цехе было под сорок, как в жаркий летний день под палящим солнцем, а в чесальном, наоборот, стоял холод, как в степи морозной ночью. Маша знала, что бывает другая жизнь, где не надо метаться в страхе, что не сможешь выйти подышать или зайти погреться. У нее страх потерять, ошибиться или не успеть начался с десяти лет, когда она осталась без родителей. Тогда же у нее начал непроизвольно дергаться правый уголок рта. В дядькином доме ее выделяли и порой отдавали лучший кусок, когда он был. Но то ли с непривычки, то ли по природе так и не смогла она приноровить-

Надежда Антонова

ся к странным ссорам и еще более странным примирениям дяди Феди, брата ее матери, и его жены и поначалу панически боялась громких размолвок с драками и не менее шумных объятий после утихающих бурь. Тосковала по родителям, вспоминала простой тихий уют и чистоту, которой не было в доме дяди и тетки, и чувствовала себя чужой, лишней. Тетя Нина с прищуром смотрела на то, как Маша пришивала куски белой занавески – широкий сверху на месте двух ушастых краев воротника и два узких на рукавах – к лоснящейся на локтях ядрено-коричневой школьной форме, доставшейся от двух старших сестер, и со смехом приговаривала: «Ну ты, Машк, прямо фрейлина! И так бы сошло, без обшлагов, воротник бы пришила один, и будет. Они сами-то что в этой жизни видали? Почитай лучше». Но тут она как будто о чем-то вспоминала, осекалась и, продолжая тихо бормотать себе под нос, уходила в другую комнату.

Библиотека находилась через два квартала от их дома. «Здравствуй, Маша! Хочешь сушек?» – говорила ей пожилая пронцательная Серафима Семеновна, угощала горячим чаем и выносила очередной роман Диккенса. Эстер Саммерсон, Дэвид Копперфильд, Оливер Твист, Крошка Доррит, Николас Никльби. Нет, у нее все еще хорошо, даже очень хорошо. А фрейлиной – Серафима Семенов-

От отца

на сказала, что это такая дама, которая служит царственной особе, — быть даже приятно. Маша едва заметно улыбалась, и правый уголок губ произвольно шел вниз — страх не отпускал, но как будто бы соглашался, что бывает и хуже.

Как-то тетка попросила Машу принести из комнаты газету растопить печь. Под пухлой стопкой «Правды», «Известий» и «Красной звезды» лежала старая потрепанная книга с названием, написанным странными буквами — часть из них были русскими, часть нет, а на конце зачем-то еще стоял твердый знак: Война міровъ. Маша не удержалась, раскрыла и начала читать. Скоро она поняла, что твердый знак на конце слов после согласных стоит просто так, і читается как И, а буква, похожая на мягкий знак, — это Е. Во врѣмя протівостоянія, въ 1894 году... Вошедшая тетя Нина выхватила из Машиных рук книгу, не глядя, сунула ее в бельевой шкаф и удивленно рассмеялась: «Ишь ты, мастей не знает, а в карты играет!»

Маша сидела на пахнущей газом, котами и требухой кухне. Соседи варили требуху для собак, семья дяди Феди для себя. На кухню зашел маленький Матвей с зеленью под носом, заныл и потянулся к столу. Маша макнула хлебную корку в кружку с водой и дала ему. Дядя Федя, вошедший следом, отогнал от стола мальчика, открыл

Надежда Антонова

печку и кинул туда еще несколько лепешек сухого навоза. В дверь постучали, зашла соседка вернуть картошку и лук, принесла немного сала в подарок, отозвала дядя Федю в сторону: «Федь, там это, пишут опять...» Во дворе во весь забор белой краской было выведено: «Нинка шлюха». Дядя Федя согнал всех детей в дальнюю комнату и закрыл на ключ. Наутро Маша, две ее старшие сестры и тетя Нина красили забор. Тетя Нина широко улыбалась и весело подмигивала Маше здоровым глазом. Второй, заплывший, с синевато-желтыми разводами по векам она берегла.

Тетя Нина работала бухгалтером в горисполкоме. С людьми, особенно с мужчинами, сходилась легко и так близко, что у некоторых баб зубы от злости крошились, а у мужа от ревности желваки набухали. Иногда пройдет по улице, веселая, приветливая, с кем-то посплетничает, с кем-то поспорит беззлобно, кого-то утешит, и уже кажется, что солнце сегодня ярче светит. На работе ее уважали, и один раз она даже была на Доске почета, хотя в партию так и не вступила. На вопросы о своей беспартийности отшучивалась: «Партия не лошадь, всех вывезет». С детьми занималась мало, но с душой, чувствовала, когда и как нужно сказать, чтобы стало понятно, голос не повышала, но умела объяснить даже самым маленьким, что и где лучше

От отца

бы исправить. Когда старшие девочки приходили ябедничать друга на друга, тетя Нина могла выговорить: «Любаш, а ты карту-то не передергивай, не по-сестрински это!..» А если Матвейка с ревом прибежал с улицы, утешала: «Ну что ты, разве не знаешь, где игра, там и шулера, все на одну не ставь...»

Каждый раз, когда Маша красила забор или стену дома с сестрами и тетей Ниной, ее вдруг охватывало стыдное, буйное веселье, заставляющее краснеть и подолгу застывать с кистью в руке. Была во всем этом какая-то жаркая, душная, пряная тайна. Сестры часто жаловались ей, как их дразнят в школе; Машу же странным образом это не обижало, она не чувствовала стыда за тети-Нинино поведение, стыдилась необузданного преступного любопытства.

Один раз на улице к Маше подошел хромоногий сосед Степан и протянул пряник. «Ну что, курносая, когда опять забор красить с мамкой пойдете? Меня позови, мамка у вас затейница. Да и ты тоже ничего, одна порода». От него пахнуло смесью табака, водки, навоза, грязных носков и чего-то ядерного, мускусного. Маша посмотрела на его низкий выпуклый лоб с прилипшими прядями, небритые щеки, мясистый нос, полные потрескавшиеся губы с заедами в уголках, шею с выступающим кадыком

Надежда Антонова

в вороте замызанной рубахи, шальные черные глаза. Какое-то удушливое, срамное беспокойство толкнуло ее в спину, и она, алая как ее закручивающийся на концах пионерский галстук, потупилась и выронила из рук пряник. Степан ослабился, прищелкнул языком и отошел. С тех пор они то и дело встречались около пивного ларька, мимо которого Маша ходила в школу. Степан широко улыбался, бесстыдно обнажая желтые с черным зубы, плоско шутил и угощал ее конфетами или пирожками, купленными на углу. Один раз он позвал ее в кино, давали «Большой вальс». В темноте зала Степан стал щупать Машино колено, и от этого она отяжелела и налилась чем-то вязким, тягучим и терпким. В его части дома, в комнатухе на втором этаже было холодно и неряшливо, стояла большая незаправленная кровать со смятыми серыми простынями, древний платяной шкаф без ручек, скрипучий стул и граммофон с золоченым рожком на столе, затянута бордовой тканью. Маша знала, что на таком раньше играли в карты и назывался он ломберным. Туз бьет короля. Маша села на стул и плотно сдвинула колени. Король бьет даму. Степан подошел и положил руки ей на плечи. Дама бьет валета. Маша дрогнула вспыхнувшими плечами и, подавшись назад, подставила под жадные руки Степана еще не до конца оформившуюся грудь

От отца

в сшитом ею из старой детской майки подобии бюстгальтера. Валет бьет кого найдет, от десятки до шестерки, вверх-вниз.

Чистюньлаг был на хорошем счету у заключенных, хотя когда-то о нем боялись даже думать. В 1938 году одного финна обвинили в подготовке подрыва на железнодорожном пути Барнаул – Новосибирск. На допросе он не мог показать, в какой стороне Новосибирск, потому что привезли его этапом из Ленинграда и в Сибири он никогда раньше не был, но это ему не помогло, расстреляли. И только когда в 1946 году Чистюньлаг стал инвалидно-оздоровительным, жизнь заключенных заметно улучшилась. Со всей системы ГУЛАГа сюда направлялись люди, чтобы поправить здоровье. Если по прибытии на станцию Топчиха заключенный не мог самостоятельно выйти из вагона, его на подводах увозили в лагерь и там кормили, сначала по чуть-чуть, а потом усиленно, и только спустя два месяца отправляли на работу. В лагере имелось свое хозяйство. Если забивали скот, то обрезки можно было подбирать и самим готовить на костре. Еще – и это считалось невиданной роскошью – можно было брать еду из чанов для свиней.

Маша выпрыгнула из грузовика, огляделась и весело пробежалась вдоль забора, радуясь скрипучему снегу и яркому зимнему солнцу. Водитель

Надежда Антонова

протянул документы часовому, тот посмотрел бумаги и попросил открыть кузов. Пошарив между тюками и развязав один из них, он слез с грузовика и открыл шлагбаум. Маша, раскрасневшаяся и запыхавшаяся, влезла в кабину, и грузовик въехал на территорию лагеря. Слева располагалось двухэтажное здание комендатуры, выкрашенное в ярко-голубой цвет. Справа был длинный барак грязно-белого цвета с кухней, баней, прачечной и складом. За ним – больница, а дальше за небольшим ограждением стояли в два ряда несколько десятков длинных унылых построек казарменного типа для проживания заключенных. Откуда-то сбоку вывернули несколько доходяг, одетых в телогрейки с чужого плеча и шапки-ушанки, позади них шел конвойный с автоматом. Лагерники, хоть и были очень худыми, шли бодро. Когда они приблизились, Маша отметила про себя, что есть в них что-то нездешнее. Грузовик подогнали близко к складу, тюки с валенками разгружали цепочкой. Один заключенный залез в кузов, другой встал внизу, третий в дверях, четвертый под окрики конвойного распределял тюки вдоль складской стены. «Будьте любезны, посторонитесь, пожалуйста!» – сказал тот, что был в кузове. Маша удивленно посмотрела на него и как будто бы на секунду перестала видеть. Степан не был злым человеком. Денег

От отца

не считал, почти не бил, в порыве нежности даже мог сказать: «Смотри-ка, как налилась на моих харчах!» После этого он с чувством хватал Машу пониже спины, вдавливая руку внутрь, и довольно, сыто усмехался на ее слабый, смущенный протест. Лагерник грустно посмотрел на нее, и Маше показалось, что он улыбнулся, но не губами, а одними глазами. Дышать стало трудно, лицо горело, как от мелких снежных игл, перед глазами серебрились искрящиеся белые шарики, которые напоминали крупинки сахара, и от этого вдруг сделалось тепло. «Гражданочка, вам где расписаться за валенки?» – деловито спросил конвойный. Маша вздрогнула, невольно повела углом рта, вытащила из рукава бумаги и не глядя протянула. Точно, это же парень из «Большого вальса», только без усиков. Какая же у него жена, наверное, счастливая... «Спускайся давай, обратно пошли!» – скомандовал конвойный, запирая дверь склада на ключ. Лагерник неуклюже спрыгнул на снег, остановился и внимательно посмотрел на нее. А глаза какие синие-синие, и кожа, как снег, белая... «Меня зовут Мария», – сказала она и протянула узкую ладошку, но вдруг испугавшись чего-то, быстро убрала. Он завел свою руку ей за спину, едва коснувшись талии, бережно взял в жесткую горячую пятерню ее неуверенные пальцы, медленно потянул на себя и слегка пожал. По-

Надежда Антонова

том, как бы раздумывая над чем-то, его рука, зажав ее, медленно пошла вверх. Еще чуть-чуть, и он бы коснулся губами... «Эй, Семенов, ну-ка на два шага назад!» — грубо окрикнул его конвойный и поднял автомат. Лагерник быстро выпустил ее руку и, получив удар прикладом, пошел прямо по недочищенным сугробам, высоко поднимая тощие ноги в черных валенках с широкими голенищами. Но потом вдруг резко обернулся и хрипло прокричал: «Вы приедете еще к нам? Меня Сергеем зовут».

«Дорогой Сергей!

Я вам пишу, хоть мне это страшно. Сначала я хотела молчать, и вы бы никогда не узнали о моем интересе к вам, но мне показалось это очень неправильным. Мне сейчас кажется, что вы мне являлись в сновидениях, и когда мы встретились, я вмиг узнала, то есть мне кажется, что мы с вами уже давно знакомы. Разрешите же мои сомнения. Может, это все пустое, и вам это не нужно, и суждено нам иное? Сегодня с утра идет снег, и снежинки так красиво кружатся, но из-за них ничего не видно. Вот и рассудок мой такой же заснеженный и изнемогает от неясности. Жду от вас ответа.

19 января 1947 года

Мария».

От отца

Он перечитал письмо четыре раза, стоя под фонарем у лагерного забора, и только тогда заметил, что в некоторых местах синие чернила немного расплылись. Своих учеников он за такие кляксы ругал... Он спрятал письмо в рукав, вдохнул раскрытым ртом и скривился — ныла кровоточащая десна, сейчас бы капусты, да побольше, а то и так половины зубов уже нет, хорошо хоть дальние остались, есть чем хвою жевать... «Но это ничего, ничего... Надо же, написала... Только какой из меня Онегин?..» И он еще долго стоял, не двигаясь, пока не онемели от холода пальцы и не стали белеть красные от мороза впалые щеки. А огромные белые хлопья все падали и падали на стоящего под фонарем тощего сутулого человека с худым изумленным лицом и счастливыми глазами.

«Карта, Машунь, она как мужик, руку любит. Но если мужику мягкую, нежную да игривую подавай, то карте чуткая, внимательная, но с напором рука нужна. Знаешь, как раньше играли?.. За столы специальные сядут, тканью обтянутые, чтобы не скользило, сигарами обложатся, коньяком обставятся, колод штук пять и на всю ночь: и в винт, и в горку, и в штосс, и в фараона, в стуколку, в мушку, в тамбовский бостон, не то что мы с тобой, в дурака... Ну и не вхолостую в основном, а на деньги...» Тетя Нина наливала себе водки и задумчиво тасовала

Надежда Антонова

потрепанные карты. «Ты главное помни: туз бьет короля, король бьет даму, дама бьет валета, валет бьет кого найдет, от десятки до шестерки, вверх-вниз». Тетя Нина вкусно затягивалась, подмигивала Маше и с чувством раздавала, предварительно плюнув на пальцы. «Но козырь, Машунь, он в любой спор ясность вносит. И еще: сначала не бойся брать, рассосется, а к концу отплевайся что есть сил и рискуй, карта рискованных любит».

Маша ходила на почту каждый день, служащие почтамта ее узнавали и участливо улыбались, когда она, розовощекая, запыхавшаяся, пахнущая морозом, открывала тяжелую, основательную входную дверь. Письма все не было. Она покорно добредала до трамвайной остановки и ехала вниз, в центр города, туда, где горели фонари и по вычищенным от снега улицам ходили элегантные мужчины под руку с красивыми женщинами в каракулевых шубах и поярковых нарядных валенках. Домой приходила поздно, Степан недобро смотрел на ее осунувшееся лицо и отстраненный взгляд, но ничего не говорил.

Пришел март с его пронизывающими ветрами, ярким весенним солнцем и ночными холодами. Бабка, сидевшая с Толиком, заболела, пришлось отдать сына в детский сад, работы по дому стало больше, на почту теперь каждый день ходить не

От отца

могла, да и не хотела. Раз в неделю открывала хорошо знакомую тяжелую дверь, подходила к окошку и, не удивляясь ответу служащей, медленно шла к выходу, презирая себя за наивность и втайне радуясь тому, что получила по заслугам. Рисковых только карты любят.

Восьмое марта в том году выпало на субботу. В пятницу, отработав полсмены, отпросилась к сыну на детский утренник. Когда шла мимо почты, что-то подтолкнуло зайти. Знакомая девушка в окошке выдачи узнала ее и громко сказала: «Ой, как вас давно не было! Вам письмо!» Маша растерянно посмотрела на нее. «Да вот же, вот, на конверте, Петровой М. Д. Вы ведь это? Да вы, я вас хорошо помню. Паспорт с собой?» Маша отрицательно покачала головой. Девушка опасно оглянулась и перешла на шепот: «Ладно, ничего, я вам так выдам, вот здесь распишитесь!»

«Дорогая Мария!

Очень рад был Вашему письму! Зима действительно выдалась снежная. Я родом из Подмоскovie, там тоже бывает много снега в это время года. Когда я был маленьким, мы любили кататься с ледяных гор. Думаю, что в Сибири так тоже развлекаются. Летишь с горы и думаешь, как же хорошо,

Надежда Антонова

что кругом чистый, искрящийся, будто серебряная россыпь, снег, который образует лед, и можно про- нестись по нему, слушая свист ветра и ощущая его ледяное дыхание у себя на лице, а потом упасть в мягкий сугроб и думать, что все у тебя будет хо- рошо, потому что иначе и быть не может. Вот так замечтаешься и забудешь про все дела, а то и со- всем махнешь на все рукой. Я когда директором школы работал, я таких мечтателей прямо с этих ледяных курортов по пять-семь человек на занятия приводил. Жена надо мной посмеивалась, говори- ла, что таким все равно учение впрок не пойдет, но я с ней не соглашался, хотя, может, она и была права. Когда меня арестовали, она со мной разве- лась и правильно сделала, я ее не виню. Хорошо, что детей мы не нажили, а то бы дети очень стра- дали. Срок мой через два года подходит к концу. Надеюсь, что еще смогу послужить нашей социали- стической родине.

16 февраля 1947 года

Сергей».

Последняя строчка про социалистическую ро- дину показалась Маше нелепой, но вскрытый и за- ново заклеенный конверт с синим штампом «До- смотрено» прекратил ее размышления. В тот же вечер она написала ответ, и ей казалось, что она

От отца

стремительно летит с ледяной горы, и все у нее будет хорошо.

Пронесся счастливый, полный ожидания апрель, наступил май с нежной зеленью недавно появившейся листвы, с первыми свежими дождями, с долгожданным выстраданным теплом; за ним июнь с быстро пробегающими ночами и долго длящимися, жаркими, полными нежной грусти и выворачивающей наизнанку тоски днями, потом настал душный, невыносимый июль. Снова потеряв надежду, она заходила на почту раз в неделю, чтобы удостовериться и выйти в нестерпимую жару. Лицо ее еще больше осунулось и заострилось, глаза то тускнели, то горели нездоровым блеском, спала мало и почти ничего не ела, работала с неохотой, дома все валялось из рук. Попробовала поступить в сельскохозяйственный институт, но не прошла по баллам. Со Степаном все больше молчали. Как-то раз, забрав Толика из сада, пошли погулять. Мальчик увлеченно рассказывал про игру в пристенок, но вдруг стал показывать куда-то пальцем и побежал вперед. Маша проследила взглядом за сыном и увидела Степана под руку с миловидной ярко накрашенной девушкой, уверенно стоящей на высоких каблуках. Вечером Степан пришел домой позже обычного и принес ей «Красную Москву». Маша подарок не взяла, спросила только: «Нам с Толей

Надежда Антонова

уйти?» Потом молча поставила на стол тарелку с растекшейся яичницей, а ближе к ночи достала из-за шкафа старую раскладушку и постелила себе отдельно. С тех пор так и ложились.

Пережили пыльный молчаливый август. Наступил теплый предосенний сентябрь с бабьим летом. Как-то после работы Маша по просьбе тетки зашла на почту отправить телеграмму дальним родственникам в Новосибирск. Когда открывала тяжелую скрипучую дверь, что-то внутри болезненно сжалось. Маша безучастно взяла бланк и встала в конец очереди. «Девушка, вы ведь Петрова? Как хорошо, что заглянули, давно вас не было, письмо вам уже вторую неделю лежит!»

«Дорогая Маша!

Наконец-то я смог Вам написать! В апреле я был переведен в другой лагерь на Крайнем Севере, в Якутской АССР, недалеко от поселка Усть-Нера, так что теперь осваиваю новые территории нашей страны, вношу свой посильный вклад в развитие новых областей нашей социалистической родины в условиях северных широт. Как Вы себя чувствуете? Все ли в порядке? Очень много думаю о Вас и рад тому, что есть у меня такая возможность. Погода здесь, в отличие от сибирской, более суровая,

От отца

лето короткое, в августе уже начинаются небольшие заморозки по ночам, а в сентябре ожидается снег. Но красота вокруг невыразимая: сопки, сосняк, глубокое северное небо, днем синее, а ночью черное, обсыпанное звездами, как нарядный парчовый кокошник жемчугом. Есть здесь и свои чудеса: при низкой температуре некоторые ручьи из-за высоких температур подземных ключей не замерзают. На сопках растет много грибов и ягод, так что, когда нас ведут на работы, по дороге иногда можно полакомиться брусникой и голубикой. Очень надеюсь, что своим пребыванием здесь смогу принести много пользы и оправдать звание советского гражданина.

17 августа 1947 года

*Искренне Ваш,
Сергей».*

Через две недели, получив отпускные, Маша купила билет на поезд до Читы. Увидев сборы в дорогу, Степан оторвался от ужина, вытер жирные замасленные губы тыльной стороной руки и подступил с расспросами: «Ты куда это намылилась? Одна или с кем-то? А пацан как? Я ведь по документам ему даже не отец, вдруг случится что...» Маше стало душно, в глазах потемнело, она подошла к ломберному столу, заставленному тарелками, и со злостью смахнула на пол остатки вареной кар-

Надежда Антонова

тошки, соленую капусту, растаявшее сало, селедку, малосольные огурцы и недопитую бутылку водки. «Э, ты че это, гнида?..» Степан размахнулся и с силой ударил ее по лицу. Маша хрипло задышала и схватилась за край стола, чтобы не упасть. Нервно подрагивали ноздри, дергался уголок губ, а на старое потрепанное багровое сукно падали темные капли.

От Читы до Усть-Неры добиралась на автобусе и попутных машинах. Север встретил легким морозцем и ранним ненадежным снегом. В первый же день удалось снять комнату с хозяйкой в частном доме. Как только устроилась, пошла на почту отправить открытку Толику, которого оставила пожить у тетки. Вместе с ней в двери зашел человек в военной форме с автоматом. Девушка в окошке выдачи оживилась, заулыбалась ему и принесла небольшой бязевый мешок, набитый письмами. «Ой, какой мешок удобный, – сказала Маша, – не продадите такой?» – «Вам зачем? Для посылки? Возьмите коробку, в ней сохраннее будет. А это мы лагерным отправляем».

Лагерь находился в трех километрах от поселка и был виден издалека: высокое ограждение, сторожевые башни, колючая проволока. Маша шла и не могла насмотреться на широкое русло протекающей вдалеке и делающей изгиб реки, припорошен-

От отца

ные снегом горы с языками проступающей породы, местами желтоватые ели, одинокие сосны, какой-то серый кустарник, глубокое синее небо. У ворот лагеря Машу встретил военный, похожий на того, который заходил за письмами на почту. «Тебе чего?» – грубовато спросил он. «У меня назначено», – тихо проговорила Маша. «С кем?» Вопрос застал Машу врасплох. Военный буравил ее взглядом и двумя руками держался за автомат. Маша поняла, что нужно что-то говорить. «С начальником лагеря», – почти прошептала она, ожидая услышать отказ, но военный, посмотрев ее документы, открыл ворота. Здание комендатуры располагалось справа от входа и напоминало сельский клуб: одноэтажный деревянный сруб с широким крыльцом и большой двустворчатой дверью, справа и слева от входа агитплакаты с изображением Ленина и большой рабочей пятерни, сложенной в пролетарский кулак, на фоне красного знамени. Кабинет начальника лагеря также был увешан портретами вождей с простертыми руками и строгими сосредоточенными лицами. За столом сидел низенький коренастый человек мордовской наружности с легкой проседью в темных волосах. «По какому вопросу?» – громко произнес он. Маша достала из кармана пальто конверт с последним письмом Сергея. «Что там?» – начальник охраны нетерпеливо про-